

АНТОН ИВАНОВИЧ

ДЕНИКИН

*ОЧЕРКИ РУССКОЙ СМУТЫ:
БОРЬБА ГЕНЕРАЛА КОРНИЛОВА*

*Книги, изменившие мир.
Писатели, объединившие
поколения.*

р у с с к а я к л а с с и к а

Антон Иванович Деникин
Очерки русской смуты.
Борьба генерала Корнилова
Серия «Эксклюзив: Русская классика»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=74391546

Очерки русской смуты. Борьба генерала Корнилова: Издательство

АСТ; Москва; 2026

ISBN 978-5-17-187980-8

Аннотация

Во втором томе «Очерков русской смуты» бывший главнокомандующий Вооруженными силами Юга России Антон Иванович Деникин повествует о событиях, произошедших в стране с августа 1917 года по апрель 1918 года – о последних днях диктатуры Керенского и Октябрьском перевороте, о созыве и разгоне Учредительного собрания, о Брестском мире и начале Гражданской войны.

Но в фокусе внимания автора находится один конкретный человек – герой Русско-японской и Первой мировой войн, ярый патриот своей страны – генерал Лавр Георгиевич Корнилов. Из этой книги мы узнаем об аресте и Быховском сидении, о формировании Добровольческой армии и Ледяном походе, о штурме Екатеринодара и трагической гибели генерала.

Содержание

Глава I	6
Глава II	18
Конец ознакомительного фрагмента.	23

Антон Деникин

Очерки русской смуты.

Борьба генерала Корнилова

© ООО «Издательство АСТ», 2026

* * *

31 марта 1918 года русская граната, направленная рукой русского человека, сразила великого русского патриота. Труп его сожгли и прах рассеяли по ветру.

За что? За то ли, что в дни великих потрясений, когда недавние рабы склонялись перед новыми владыками, он сказал им гордо и смело: «Уйдите, вы губите русскую землю»?

За то ли, что, не щадя жизни, с горстью войск, ему преданных, он начал борьбу против стихийного безумия, охватившего страну, и пал поверженный, но не изменивший долгу перед Родиной?

За то ли, что крепко и мучительно любил он народ, его предавший, его распявший?

Пройдут года, и к высокому берегу Кубани потекут тысячи людей поклониться праху мученика и творца идеи возрождения России. Придут и его палачи.

И палачам он простит.

Но одним не простит никогда.

Когда Верховный главнокомандующий томился в Быховской тюрьме в ожидании шемякина суда, один из разрушителей русской храмины сказал: «Корнилов должен быть казнен; но когда это случится, приду на могилу, принесу цветы и преклоню колена перед русским патриотом».

Проклятье им – прелюбодеям слова и мысли! Прочь их цветы! Они оскверняют святую могилу.

Я обращаюсь к тем, кто и при жизни Корнилова, и после смерти его отдавали ему цветы своей души и сердца, кто некогда доверил ему свою судьбу и жизнь.

Средь страшных бурь и боев кровавых останемся верными его заветам. Ему же – вечная память!

Речь, произнесенная автором в Екатеринодаре в 1919 году.

Брюссель, 1922 год

Глава I

Расхождение путей революции.

Неизбежность переворота

Широкое обобщение слагаемых сил революции в две равнодействующие – Временное правительство и Совет – допустимо в известной степени лишь в отношении первых месяцев революции. В дальнейшем течении ее происходит резкое расслоение в среде правящих и руководящих кругов, и месяцы июль и август дают уже картину многосторонней междоусобной борьбы. Наверху эта борьба идет еще в довольно отчетливых границах, разделяющих борющиеся стороны, но отражение ее в массах являет образ полного смешения понятий, неустойчивости политических взглядов и хаоса в мыслях, чувствах и движениях. Иногда только, в дни серьезных потрясений, происходит вновь дифференциация, и вокруг двух борющихся сторон собираются самые разнородные и зачастую политически и социально враждебные друг другу элементы. Так было 3 июля (восстание большевиков) и 27 августа (выступление Корнилова). Но тотчас же по миновании острого кризиса внешнее единение, вызванное тактическими соображениями, распадается, и пути вождей революции расходятся.

Резкие грани прошли между тремя главенствующими

учреждениями: Временным правительством, Советом (Центральный исполнительный комитет) и Верховным командованием.

В результате длительного правительственного кризиса, вызванного событиями 3–5 июля, разгромом на фронте и непримиримой позицией, занятой либеральной демократией, в частности кадетской партией, в вопросе об образовании власти¹, Совет вынужден был освободить формально министров-социалистов от ответственности перед собою и предоставить право Керенскому единолично формировать правительство. Объединенные центральные комитеты постановлением от 24 июля обусловили поддержку со стороны советов правительству соблюдением им программы 8 июля и оставляли за собою право отзывать министров-социалистов в случае уклонения их деятельности от намеченных программой демократических задач. Но тем не менее факт известной эмансипации правительства от влияния советов, как результат растерянности и ослабления руководящих органов революционной демократии в июльские дни, не подлежит сомнению. Тем более что в состав 3-го правительства вошли социалисты или маловлиятельные, или, как Авксентьев (министр внутренних дел), Чернов (министр земледелия), Скобелев (министр труда), несведущие в делах своего ведомства. Ф.

¹ К. д-ты требовали создания власти, покоящейся «на общенациональной почве» и представленной лицами, «не ответственными ни перед какими организациями и комитетами».

Кокошкин в московском комитете партии к.-д. говорил: «За месяц нашей работы в правительстве совершенно не было заметно влияние на него Совдепа... Ни разу не упоминалось о решениях Совдепа, постановления правительства не применялись к ним». И внешне взаимоотношения изменились. министр-председатель не то избегал, не то игнорировал Совет и Центральный комитет, не появляясь на их заседаниях и не давая им, как раньше, отчета².

Но борьба – глухая, напряженная – продолжалась, имея ближайшими поводами расхождение правительства и центральных органов революционной демократии в вопросах о начавшемся преследовании большевиков, репрессиях в армии, организации административной власти и т. д.

Верхнее командование занимало отрицательную позицию как в отношении Совета, так и правительства. Как постепенно назревали такие отношения, говорилось в 1 томе. Оставляя в стороне детали и поводы, обострившие их, остановимся на основной причине: генерал Корнилов стремился явно вернуть власть в армии военным вождям и ввести на территории всей страны такие военно-судебные репрессии, которые острием своим в значительной степени были направлены против советов и особенно их левого сектора. Поэтому, не говоря уже о глубоком политическом расхождении, борьба советов против Корнилова являлась вместе с тем борьбой их за самосохранение. Тем более что давно

² Был один раз за 1 1/2 месяца.

уже в руководящих органах революционной демократии капитальнейший вопрос обороны страны потерял свое самодовлеющее значение и, по свидетельству Станкевича, если иногда и выдвигался в Исполнительном комитете на первый план, «то только как средство для сведения других политических счетов». Совет и Исполнительный комитет требовали поэтому от правительства смены Верховного главнокомандующего и разрушения «контрреволюционного гнезда», каким в их глазах представлялась Ставка.

Керенский, фактически сосредоточивший в своих руках правительственную власть, очутился в особенно трудном положении: он не мог не понимать, что только меры сурового принуждения, предложенные Корниловым, могли еще, быть может, спасти армию, освободить окончательно власть от советской зависимости и установить внутренний порядок в стране. Несомненно, освобождение от советов, произведенное чужими руками или свершившееся в результате событий стихийных, снимавших ответственность с Временного правительства и Керенского, представлялось ему государственно-полезным и желательным. Но добровольное принятие предуказанных командованием мер вызвало бы полный разрыв с революционной демократией, которая дала Керенскому имя, положение и власть и которая, невзирая на оказываемое ею противодействие, все же, как это ни странно, служила ему хоть и шаткой, но *единственной* опорой. С другой стороны, восстановление власти военного командования

угрожало не реакцией – об этом Керенский часто говорил, хотя вряд ли серьезно в это верил, – но, во всяком случае, перемещением центра влияния от социалистической к либеральной демократии, крушением социал-революционной партийной политики и утратой преобладающего, быть может, и всякого, влияния его на ход событий. К этому присоединилась и личная антипатия между Керенским и генералом Корниловым, из которых каждый не стеснялся высказывать подчас в весьма резкой форме свое отрицательное отношение один к другому и ожидал встретить не только противодействие, но и прямое покушение с противной стороны. Так, генерал Корнилов опасался ехать к 10 августа в Петроград на заседание Временного правительства, ожидая почему-то смещения с поста и даже личного задержания... И, когда все же по совету Савинкова и Филоненко он поехал, его сопровождал отряд текинцев, которые поставили пулеметы у входов в Зимний дворец во время пребывания там Верховного главнокомандующего. В свою очередь, Керенский еще 13–14 августа в Москве в дни государственного совещания ожидал активного выступления со стороны приверженцев Корнилова и принимал меры предосторожности. Несколько раз Керенский возбуждал вопрос об удалении Корнилова, но, не встречая сочувствия этому решению ни в военном министерстве, ни в среде самого правительства, с тревогой ждал развития событий. Еще 7 августа помощник комиссара при Верховном главнокомандующем предупредил Корнило-

ва, что вопрос о его отставке решен в Петрограде окончательно. Корнилов ответил: «Лично меня вопрос о пребывании на посту мало занимает, но я прошу довести до сведения кого следует, что такая мера вряд ли будет полезна в интересах дела, так как может вызвать в армии волнения».

Раскол не ограничивался вершинами власти: он шел глубже и шире, поражая бессилием ее органы.

Временное правительство представляло механическое соединение трех групп, не связанных между собой ни общностью задач и целей, ни единством тактики: министры-социалисты³, либеральные министры⁴ и отдельно – триумvirат в составе Керенского (с.-р.), Некрасова (р.-д.) и Терещенко (бесп.). Если часть представителей первой группы находила зачастую общий язык и одинаковое государственное понимание с либеральными министрами, то Авксентьева, Чернова и Скобелева, сосредоточивших в своих руках все важнейшие ведомства, отделяла от них пропасть. Впрочем, значение обеих групп было довольно ничтожно, так как триумvirат «самостоятельно решал все важнейшие вопросы вне правительства, и иногда даже решения их не докладывались последнему»⁵. Протесты министров против такого порядка управления, представлявшего совершенно неприкрытую

³ Авксентьев (с.-р.), Скобелев (с.-д.), Пешехонов (н.-с.), Чернов (с.-р.), Зарудный (с.-р.), Прокопович (с.-д.), Никитин (с.-д.).

⁴ Ольденбург, Юренев, Кокошкин, Карташов (к. д-ты), Ефремов (р.-д.).

⁵ Доклад Ф. Кокошкина 31 августа.

диктатуру, оставались тщетными. В частности, свое расхождение с Корниловым и вопрос о предложенных им почти ультимативно мероприятиях Керенский старался всемерно изъять из обсуждения правительства.

Несколько в стороне от этих трех групп, вызывая к себе сочувствие либеральной, оппозицию социалистической и плохо скрытое раздражение триумvirата, стояло военное министерство Савинкова⁶. Савинков порвал с партией и с советами. Он поддерживал резко и решительно мероприятия Корнилова, оказывая непрестанное и сильное давление на Керенского, которое, быть может, увенчалось бы успехом, если бы вопрос касался только идеологии нового курса, а не угрожал Керенскому перспективой самоупрезрения... Вместе с тем Савинков не шел до конца и с Корниловым, не только облекая его простые и суровые положения в условные внешние формы «завоеваний революции», но и отставив широкие права военно-революционных учреждений – комиссаров и комитетов. Хотя он и признавал чужеродность этих органов в военной среде и недопустимость их в условиях нормальной организации, но... по-видимому, надеялся, что после прихода к власти комиссарами можно было назначать людей «верных», а комитеты – взять в руки. А в то же время бытие этих органов служило известной страховкой против командного состава, без помощи которого Савинков

⁶ Управляющий – Савинков, начальник политического отделения – Степун, комиссар при Ставке – Филоненко.

не мог достигнуть цели, но в лояльность которого в отношении себя он плохо верил. Характер «содружества» и сотрудничества генерала Корнилова и Савинкова определяется тем небезынтересным фактом, что приближенные Корнилова считали необходимым во время приездов Савинкова в Ставку и в особенности во время их бесед с глазу на глаз принимать некоторые меры предосторожности... Так было не только в конце августа в Могилеве, но и в начале июля в Каменец-Подольске.

Савинков мог идти с Керенским против Корнилова и с Корниловым против Керенского, холодно взвешивая соотношение сил и степень соответствия их той цели, которую он преследовал. Он называл эту цель – спасением Родины; другие считали ее личным стремлением его к власти. Последнего мнения придерживались и Корнилов, и Керенский.

Раскол созрел и в руководящих органах революционной демократии. Центральный исполнительный комитет советов все более и более расходился с Петроградским советом как по вопросам принципиальным, в особенности о конструкции верховной власти, так и вследствие претензии обоих на роль высшего представительства демократии. Более умеренный Центральный комитет не мог уже состязаться пленительными для масс лозунгами с Петроградским советом, неудержимо шедшим к большевизму. В среде самого совета по основным политическим вопросам все чаще обозначалась прочная коалиция меньшевиков-интернационали-

стов, левых социал-революционеров и большевиков. Если обострялись сильно грани между двумя основными подразделениями социал-демократии, то еще резче проявилось разложение другой главенствующей партии – социал-революционеров, из которой после июльских дней, не порывая еще окончательно формальной связи со старой партией, выделилось левое крыло ее, наиболее яркой представительницей которого была Спиридонова. В течение августа левые с.-ры., возросши численно в советской фракции чуть ли не до половины ее состава, становятся в резкую оппозицию и к партии, и к кругам, единомышленным с Центральным исполнительным комитетом, требуя полного разрыва с правительством, отмены исключительных законов, немедленной социализации земли и сепаратного перемирия с центральными державами.

В такой нервной, напряженной атмосфере протекали весь июль и август месяцы. Трудно учесть и разграничить зависимость двух аналогичных явлений полного разброда – среди правящих и руководящих верхов, с одной стороны, и народной массы – с другой: был ли разброд наверху прямым отражением того состояния брожения страны, в котором еще не могло определиться конечных целей, стремлений и воли народной, или наоборот – болезнь верхов поддерживала и углубляла процесс брожения. В результате, однако, не только не появлялось ни малейших признаков оздоровления, а наоборот, все стороны народной жизни быстро и неизменно

шли к полному расстройству.

Участились и внешние проявления этого расстройства, в особенности в области обороны страны. 20 августа разразилась рижская катастрофа, и германцы явно начали готовиться к большой десантной операции, угрожавшей Ревелю и Петрограду. В то время когда производительность военной промышленности падала в угрожающих размерах (снарядное производство – на 60%), 14 августа происходит вызванный, несомненно, злонамеренно грандиозный взрыв пороховых заводов и артиллерийских складов в Казани, которым уничтожено было до миллиона снарядов и до 12 тысяч пулеметов. Во второй половине августа назревала всеобщая железнодорожная забастовка, угрожавшая параличом нашему транспорту, голодом на фронте и всеми сопряженными с этим явлением роковыми последствиями. В армии участились случаи самосудов и неповиновения. То словоблудие, которое текло непрерывно из Петрограда и там отравляло и опьяняло мысль и совесть верхов революционной демократии, на широкой арене народной жизни обращалось в прямое действие. Целые области, губернии, города порывали административную связь с центром, обращая русское государство в ряд самодовлеющих и самоуправляющихся территорий, связанных с центром почти исключительно... неимоверно возросшей потребностью в государственных денежных знаках. В этих «новообразованиях» постепенно пропадал вызванный первым подъемом революции интерес к

политическим вопросам и разгоралась социальная борьба, принимая все более сумбурные, жестокие, негосударственные формы.

А на фоне этой разрухи надвигалось новое потрясение – вновь и явно подготавливавшееся восстание большевиков. Оно было приурочено к концу августа. Если тогда могли возникать сомнения и колебания в оценке положения и грозящей опасности, в выборе «равнодействующей» и в томительных поисках жизнеспособной коалиции, то теперь, когда август 1917 года – уже далекое прошлое, сделавшееся достоянием истории, не может быть никаких сомнений, по крайней мере, в одном: что только власть, одухотворенная решимостью беспощадной борьбы с большевизмом, могла спасти страну, почти обреченную.

Этого не мог сделать Совет, органически связанный со своим левым крылом. Не мог и не хотел, «не допуская борьбы с целым политическим течением» и лицемерно требуя от правительства прекращения «незаконных арестов и преследования», применяемых к «представителям крайних течений социалистических партий»⁷.

Этого не мог и не хотел сделать и Керенский – товарищ председателя Совета, грозивший некогда большевикам «железом и кровью». Даже 24 октября, то есть накануне решительного большевистского выступления, признав наконец «действия русской политической партии (большевиков) пре-

⁷ Резолюции 24 июля и 20 августа.

дательством и изменой Российскому государству», Керенский, говоря о захвате власти в петроградском гарнизоне военно-революционным комитетом, поясняет: «Но и здесь военная власть *по моему указанию*, хотя и было наличие всех данных для того, чтобы приступить к решительным и энергичным мерам, считала надобным дать сначала людям возможность сознать свою сознательную или бессознательную ошибку»⁸.

Таким образом, стране предстояла альтернатива: без борьбы и в самом непродолжительном времени подпасть под власть большевиков или выдвинуть силу, желающую и способную вступить с ними в решительную борьбу.

⁸ Речь в «Совете республики».

Глава II

Начало борьбы: генерал Корнилов, Керенский и Савинков. Корниловская «записка» о реорганизации армии

В борьбе между Керенским и Корниловым, которая привела к таким роковым для России результатам, замечательно отсутствие прямых политических и социальных лозунгов, которые разъединяли бы борющиеся стороны. Никогда, ни до выступления, ни во время него – ни официально, ни в порядке частной информации, – Корнилов не ставил определенной «политической программы». Он ее не имел. Тот документ, который известен под этим названием, как увидим ниже, является плодом позднейшего коллективного творчества быховских узников. Точно так же в сфере практической деятельности Верховного главнокомандующего, облеченного не отмененными правами в области гражданского управления на территории войны, он избегал всякого вмешательства в правительственную политику. Единственный приказ его в этой сфере имел в виду земельную анархию и, не касаясь правовых взаимоотношений землевладельцев, устанавливал лишь судебные репрессии за насильственные действия, угрожавшие планомерному продовольствованию ар-

мии вследствие «самоуправного расхищения на театре военных действий государственного достояния». Достоин внимания ответ Корнилова явившимся к нему подольским землевладельцам:⁹

– Вооруженную силу для охраны урожая, необходимого для армии, я дам. Я не постесняюсь применять эту вооруженную силу по отношению к тем безумцам, которые, ради удовлетворения низменных инстинктов, губят армию. Но я не задумаюсь также расстрелять любого из вас в случае обнаружения нерадения или злоумышления при сборе нынешнего урожая.

Несколько неожиданно отсутствие яркой политической физиономии у вождя, который должен был взять временно в свои руки руль русского государственного корабля. Но при создавшемся к осени 1917 года распаде русской общественности и разброде политических течений казалось, что только такого рода нейтральная сила при наличии некоторых благоприятных условий могла иметь шансы на успех в огромном численно, но рыхлом интеллектуально сочетании народных слоев, стоявших вне рамок «революционной демократии». Корнилов был солдат и полководец. Этим званием своим он гордился и ставил его всегда на первый план. Мы не можем читать в душах. Но делом и словом, подчас откровенным, не предназначавшимся для чужого слуха, он в достаточной степени определил свой взгляд на предстоящую ему роль,

⁹ В начале июля на Юго-Западном фронте.

не претендуя на политическую непогрешимость, он смотрел на себя как на могучий таран, который должен был пробить брешь в заколдованном круге сил, облепивших власть, обезличивших и обескровивших ее. Он должен был очистить эту власть от элементов негосударственных и ненациональных и во всеоружии силы, опирающейся на восстановленную армию, поддержать и провести эту власть до изъяснения подлинной народной воли.

Но слишком, быть может, терпимый, доверчивый и плохо разбиравшийся в людях, он не заметил, как уже с самого зарождения его идеи ее также облепили со всех сторон элементы малогосударственные, иногда просто беспринципные. В этом был глубокий трагизм в деятельности Корнилова.

Политический облик Корнилова остался для многих неясным и теперь, три с лишним года спустя после его смерти. Вокруг этого вопроса плетутся легенды, черпающие свое обоснование в характере того окружения, которое не раз творило его именем свою волю.

На этом шатком и слишком растяжимом основании, представленном в широком диапазоне – от мирного террориста через раскаявшегося трудовика до друга Иллиодора, можно выводить какие угодно узоры, с одинаковым вероятием на полное искажение истины. Монархист – республиканец. Реакционер – социалист. Бонапарт – Пожарский. «Мятежник» – народный герой. Такими противоположениями пол-

ны отзывы о покойном вожде. И, если «селянский министр» Чернов некогда в своем возмутительном воззвании объяснял планы Корнилова желанием «задушить свободу и лишить крестьян земли и воли», то митрополит Антоний в слове, посвященном памяти Корнилова, незадолго до оставления русской армией Крыма упрекнул погибшего... в «увлечении революционными идеями».

Верно одно: Корнилов не был ни социалистом, ни реакционером. Но напрасно было бы в пределах этих широких рамок искать какого-либо партийного штампа. Подобно преобладающей массе офицерства и командного состава, он был далек и чужд всякого партийного догматизма; по взглядам, убеждениям примыкал к широким слоям либеральной демократии; быть может, не углублял в своем сознании мотивов ее политических и социальных расхождений и не придавал большого значения тем из них, которые выходили за пределы профессиональных интересов армии.

Корнилова-правителя история не знает. Но Корнилова – Верховного главнокомандующего мы знаем. Этот Корнилов имел более, чем другие военачальники, смелости и мужества возвышать свой голос за растлеваемую армию и поруганное офицерство. Он мог поддерживать правительства и Львова и Керенского, независимо от сочувствия или не сочувствия направлению их политики, если бы она вольно и невольно не клонилась, по его убеждению, к явному разрушению страны. Он отнесся бы совершенно отрицательно в принципе, но,

вероятно, не поднял бы оружия даже и против однородного социалистического правительства, если бы такое появилось у власти и, паче чаяния, проявило сознательное отношение к национальным интересам страны. Корнилов не желал идти «ни на какие авантюры с Романовыми», считая, что «они слишком дискредитировали себя в глазах русского народа»; но на заданный ему мною вопрос – что, если Учредительное собрание выскажется за монархию и восстановит павшую династию? – он ответил без колебания:

– Подчинюсь и уйду.

Но Корнилов не может мириться с тем, что «будущее народа – в слабых безвольных руках», что армия разлагается, страна стремительно идет в пропасть, и, «как истинный сын русского народа», в неравной борьбе без колебания и без сомнения «несет в жертву Родине самое большое, что он имеет, – свою жизнь»¹⁰. Этой, по крайней мере, непреложной истины не могут отрицать ни друзья, ни враги его.

Официально борьба Корнилова с Керенским (точнее, с триумвиратом) происходила на почве разногласия их по отношению к мероприятиям, предложенным в известной записке Корнилова.

¹⁰ Из «Обращения к народу» 28 августа 1917 года.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.